

Владимир ДРУК

Владимир Друк родился в Москве. Окончил факультет психологии МГПИ и факультет кино и телевидения NYU. Один из основателей Московского клуба «Поэзия». Создатель и главный редактор издательства интерактивных книг TEXTONICA. Автор семи поэтических книг. Стихи печатались в ведущих литературных журналах, вошли в несколько антологий: «Самиздат Века», «Строфы века», «Освобожденный Улисс», *Twenty-first Century Russian Poetry*, *20th Century of Russian Poetry*, *Crossing Centuries: The new Generation of Russian Poetry*, *Third Wave* и др. Победитель конкурса «Русская Америка» (2002). Дипломант премии «Московский Счёт» (2009, 2019). Предыдущая публикация в «Волге» – «АЛЕФ-БЕТ. Формы, числа и номинации» (2017, № 3-4).

КАВЫЧКА

пиеса

Типовая городская квартира. Или гостиничный номер. Комната-спальня и прихожая. Шкаф, зеркало, окно. Чемодан, стул, пальто, сумка.

На сцену из зала поднимаются как минимум двое актёров, ОН и ОНА. Они занимают условленные мизансцены и начинают репетицию.

Всё как в «настоящем театре».

ОН в прихожей. Надевает пальто. Застёгивает пуговицы. ОНА в спальне, вынимает вещи из шкафа, пакует чемодан.

Похоже, что кто-то собирается уйти. Или уже очень давно собирается.

Пока они говорят, вещи несколько раз меняют место: что-то кладут в чемодан, тут же вынимают, книги переходят из коробки на стул, пальто то берут в руки, то бросают обратно. Ничего не приближается к отъезду, но всё уже выглядит как после него.

ОН: ...не жалею, не зову, не плачу.

ОНА: Да. Как у Чехова: «ты не звонил, не писал, не писал».

ОН: Я думал, ты не хочешь меня видеть.

ОНА: Как у Гоголя: «я не хочу тебя больше видеть, я не могу тебя больше любить».

ОН: У меня всё хорошо, правда, у меня сейчас всё хорошо.

ОНА: Как у Чехова: «он не хотел её видеть, она не хотела его слышать».

ОН *(показывает, будто целится в неё из воображаемого ружья, нажимает воображаемый курок):* Бум! Бам!

Она театрально падает на кровать.

ОН *(театрально, патетично):* Не надо, прошу тебя, не плачь.

ОНА (*театрально, патетично*): Как у Толстого: «не надо, не надо, я всё понимаю, прости меня, пожалуйста, я сама так страдаю, но я не в силах».

ОН (*театрально, патетично*): Как у Гоголя: «не плачь, моя милая, не надо плакать». Или так: «не плачь, мой ангел, не грусти», как у Чехова. Выбирай. Пока мы не...

ОНА: Да! Пока мы живы! Пока мы здесь!

(Пауза. *Театрально, патетично*)

Как у Булгакова: «ты, конечно, прав, милый, но ты должен понять, что я не могла поступить иначе. Ведь я же люблю тебя!»

(Пауза. *Театрально*)

А теперь – как у Шекспира: «в сердце моём нет места для тебя, любовь моя».

ОН (*серьёзно, тихо и твёрдо*): Давай будем друзьями, я тебя очень прошу.

ОНА: Нет. Не давай. Я уже не хочу, чтобы ты давал.

(Бросает в него вещами из чемодана, истерит)

Ты сам всё разрушил, а теперь делаешь вид, что это я разрушила нашу любовь. Нет никакой любви, только похоть. Ты хоть знаешь, что это такое?

ОН: Не знаю. (*Смеётся*) Похоть и страсть – одно и то же. Только похоть – это когда ты хочешь, а страсть – когда любишь.

ОНА (*смеётся*): Вот именно поэтому с тобой невозможно говорить. Похоть, страсть и любовь – совсем разные вещи. Любовь – это святое. Это выше жизни. Это и есть Бог.

Пауза. Она задумчиво подходит к окну.

ОН: Как у Толстого: «если говоришь с женщиной, сначала отойди к окну».

ОНА: Да, и постой там с таким лицом, будто за окном уже ноябрь и нравственный выбор.

ОН: Как у Тургенева: «сердце, сударыня, не рояль, но тоже требует настройки».

ОНА: Как у Достоевского: «страдание очищает, но только если человек в пальто».

ОН (*снова теревит, надевает или снимает пальто*): А без пальто?

ОНА: Без пальто уже не русская литература, а просто нервный срыв.

ОН: Как у Пруста: «любовь – это муж, потерявший ключи от квартиры».

ОНА: Нет, это уже ты сам сказал.

ОН: А разве есть разница?

Пауза.

ОНА (*у окна, крупный план, звучит романтично, как монолог Нины Заречной в пьесе «Чайка»*): Когда я была маленькой, у меня был любимый медвежонок. Он был смешной и очень добрый. Однажды, когда я лежала в постели, он подошёл ко мне и обнял меня своими лапами. Он обнимал меня, обнимал, а потом вдруг сказал: «Я люблю тебя».

Я ему ответила: «И я тебя люблю».

А он сказал: «Нет, пойми меня правильно. Я люблю тебя, потому что Бог любит тебя».

И тогда я поняла, что медвежонок, который обнимает меня, – это не просто медвежонок, а Бог, который меня обнимает.

Вот почему я не хочу никаких отношений. Ни с кем. Никогда. Потому что если я захочу кого-нибудь полюбить, это будет кто-то, кто-то как Бог.

ОН (*выходит из ванной, вытирая руки*): А ты любила хоть кого-нибудь?

ОНА: Я же тебе сказала. Медвежонка.

ОН: И меня?

ОНА: Ты не Бог и не медвежонок. Для начала этого уже достаточно.

Подходят друг к другу. Почти целуются.

ОН: Я не знаю, что на это отвечают.

ОНА (*достаёт смартфон, показывает экран*): Как у тебя в прошлый вторник: «я не готов к близости, но готов подъехать».

ОН: Не надо сейчас это.

ОНА: ...как у тебя же в 23:14: «мне трудно быть нежным после девяти».

ОН (*достаёт смартфон, показывает экран*): Это были частные сообщения.

ОНА: Ничего частного больше нет. Всё уже можно цитировать.

ОН: Как ты сама сказала на кухне, когда разбила чашку: «я не создана для счастья».

ОНА: Да. Я прекрасно могла это сказать.

ОН: Вот именно это и страшно.

ОНА: Нет. Страшно – это когда человек говорит от себя.

Пауза.

ОН: Я тебя люблю.

ОНА: Вот. Именно. Сразу страшно.

Выходят из ролей, затем сверяются по листочкам с текстом пьесы, снова играют, читают – декламируют.

ОН: Давай попробуем жить каждый своей жизнью. Может быть, тогда поймём, что между нами нет никаких преград.

ОНА: Как у Чехова?

ОН: Да. Поживём отдельно. А потом посмотрим. Если захочешь – позвони мне. Просто как другу. Не больше.

ОНА: Ты так просто хочешь от меня избавиться? Я не вещь, которую можно взять и выбросить. Я живой человек. Я тоже хочу быть тебе не просто другом. Мне было с тобой хорошо. Но теперь я поняла, что ты любишь меня не так, как мне нужно.

ОН: Но почему, почему ты так решила?

ОНА: Потому что я уже не хочу, чтобы ты меня любил как сестру, как маму, как воспоминание, как мечту. Я хочу, чтобы ты меня хотел. Чтобы я была тебе нужна. Чтобы мы были вместе. Только вместе.

Пауза.

ОН: Я тебя люблю.

Пауза.

ОНА: Нет. Так нельзя.

ОН: Почему нельзя?

ОНА: Слишком прямо. Так давно уже не говорят.

ОН: А как говорят?

Снова берут листки с текстом. Читают с выражением, «как в театре». Репетируют. ОНА – то как Нина Заречная, то как Аркадина. ОН – то как Треплев, то как Тригорин.

ОНА: Через дождь. Через сад. Через поезд. Через кашель. Через собаку. Через слабое здоровье. Но не так.

Она медленно, почти случайно касается рукава его рубашки. Трогает ткань, будто проверяя её на подлинность.

ОН: Я люблю тебя, как поезд любит опоздание.

Он снимает с неё кардиган. Медленно, осторожно. Она не сопротивляется. Он надевает кардиган на себя, застёгивает одну пуговицу.

ОНА: Уже лучше.

Она подходит к зеркалу, смотрит на него в её кардигане. Улыбается.

ОН: Я люблю тебя, как сад любит осыпаться.

Она снимает с него рубашку через голову. Он поднимает руки, как ребёнок. Она надевает его рубашку на себя – слишком большую, рукава свисают.

ОНА: Уже почти литература.

Они оба стоят перед зеркалом. Смотрят на своё отражение – он в её кардигане, она в его рубашке. Смеются тихо.

ОН: Я тебя люблю.

Он снимает с себя её кардиган, бросает на кровать. Тянется к своей рубашке на ней.

ОНА: Нет, опять слишком голо. Так неубедительно.

Она уворачивается, не даёт ему снять рубашку. Смеётся. Хватает его свитер из чемодана, натягивает поверх рубашки.

ОН: Я не могу без тебя.

Он берёт её платье, пытается надеть через голову. Запутывается. Она помогает ему, смеясь громче. Движения становятся быстрее, дыхание учащается.

ОНА: Это тоже нельзя.

Она снимает с него платье, бросает на пол. Берёт его пиджак, надевает. Слишком широкий в плечах.

ОН: А это почему?

Он хватает её блузку, надевает поверх своей майки. Пуговицы не сходятся. Они оба уже полураздеты, полуодеты в чужое.

ОНА: Это звучит так, будто ты либо пьян, либо плохо читал.

Она поправляет на нём блузку, застёгивает одну пуговицу. Он стоит неподвижно. Потом резко стягивает с неё свой пиджак, надевает сам.

ОН: Тогда скажи сама, как надо.

ОНА: Надо так, чтобы было понятно, но нельзя было проверить.

Она снимает его свитер, кидает ему. Он ловит, надевает. Она берёт его рубашку обратно, натягивает поверх своей майки.

Они оба подходят к зеркалу. Стоят рядом. Смотрят на себя – оба в смешанной одежде, наполовину свои, наполовину чужие.

Пауза. Они дышат тяжело.

ОН: Тогда скажи ты. Своими словами.

Он медленно снимает с себя её блузку. Она смотрит в зеркало, не на него. Пауза.

ОНА: Своими не получится.

Она поворачивается к нему. Берёт его пиджак с кровати, надевает снова. Медленно, как ритуал.

ОН: Почему?

Он надевает её кардиган поверх свитера. Рукава коротки. Он смотрит на свои руки в зеркале.

ОНА: Потому что мои слова уже не мои. Я их вычитала, выслушала, вынесла из чужих ртов, из книжек, из фильмов, из чужих прощаний.

Она стоит в его пиджаке и рубашке. Он – в её кардигане и своём свитере. Они оба смотрят в зеркало, почти не узнавая себя.

ОН: Тогда что у тебя своё?

Он снимает кардиган, бросает. Тянется к ней, трогает рукав его пиджака на ней.

ОНА: Интонация, может быть. Пауза. Ошибка. Сбой дыхания.

Она снимает пиджак, надевает на него. Поправляет воротник. Он стоит неподвижно, как манекен.

ОН: А любовь?

Он берёт её платье с пола, протягивает ей. Она не берёт.

ОНА: Любовь, может быть, и есть то место, где человек ошибается своим голосом.

ОН: Тогда ошибись.

Она медленно снимает с себя его рубашку. Остаётся в майке. Он смотрит на неё, потом на рубашку в её руках.

Он протягивает руки. Она надевает на него его же рубашку. Застёгивает пуговицы одну за одной. Медленно, как прощание.

Пауза. Они стоят перед зеркалом – он в своей рубашке и её пиджаке, она в его свитере и своей майке. Гибридные, потерянные.

ОНА: Боюсь.

Она касается зеркала ладонью. Он стоит за ней, смотрит на их отражение.

ОН: Почему?

Он кладёт руку на её плечо. Она не оборачивается.

ОНА: Потому что если я скажу прямо, это прозвучит фальшиво.

Она поворачивается к нему. Снимает с него её пиджак. Надевает на себя. Теперь она в его свитере и её пиджаке.

ОН: А если не скажешь?

Он берёт её кардиган, надевает поверх рубашки. Пуговицы не застёгиваются.

ОНА: Тогда будет красиво.

Они оба стоят перед зеркалом. Неподвижно. В чужой одежде, в чужих телах, в чужих словах.

ОН: И что ты выбираешь?

Она смотрит на их отражение. Долго.

ОНА: Как всегда. Красиво.

Он опускает голову.

ОН: А я – как всегда – поздно.

Они стоят перед зеркалом, не двигаясь. Оба одеты в смесь своего и чужого. Не узнают себя.

Пауза. ОН и ОНА снова выходят из ролей.

К этому моменту чемодан то ли закрыт, то ли снова открыт.

Зеркало развёрнуто.

Пальто никем не надето.

Всё готово к уходу, кроме самого ухода.

ОН: Подожди. А мы сейчас вообще что? Разговариваем?

ОНА: В каком смысле?

ОН: В том смысле, что мы живые люди или нас уже кто-то написал?

ОНА: Если бы нас написал хороший автор, ты бы молчал короче.

Он тихо идёт к входной двери, будто уходит, но, открыв её, достаёт спрятанного там плюшевого Медвежонка с подарочным бантиком.

ОН: Мне кажется, ты говоришь цитатами.

ОНА: А ты говоришь ремарками.

ОН: А кто тогда говорит тобой?

ОНА: Никто. Или, наверное, редактор.

ОН: Редактор? Автор? Демиург?

(Он не договаривает, тихо подходит к ней сзади и, обнимая, протягивает ей медвежонка)

Я хочу услышать от тебя хоть одно твоё собственное слово.

Она любовно обнимает Медвежонка. Медвежонок вдруг начинает жужжать, как заводная игрушка, и махать лапами. Она резко его отбрасывает на пол, подальше от себя.

ОНА: «Собственное» – очень устаревшее понятие.

ОН: А любовь?

ОНА: Ещё более устаревшее.

Медвежонок ковыляет по сцене, пока не кончился завод.

ОН: Я предлагаю нам трагедию.

ОНА: Я уже внутри психо-прозы.

Завод кончается. Медвежонок «умирает» посередине сцены. Пауза.

ОН: «...я страдаю пятистопным ямбом». (*Шутовски*) «И скучно, и грустно, и некому руку подать».

ОНА: А я тебя больше не слышу: ты говоришь слишком.

ОН: Давай хотя бы мелодраму?

ОНА: Не могу. У меня теперь документальная усталость.

ОН: То есть мы расстаёмся по стилистическим причинам?

ОНА: Не только.

ОН: А именно?

Бросаются в объятия друг друга.

ОНА: У тебя один винительный падеж.

ОН: А ты?

ОНА: А у меня страдательный.

Долго целуются.

ОН: Но мы же можем соединиться.

ОНА: Нет. Ты метафизический реалист. С замашками.

Делают вид, что дерутся.

ОН: А ты?

ОНА: Опечатка. Поздняя и нервная.

*Дерутся и обнимаются, и целуются, и дерутся – без слов, без пьесы, без ролей.
Почти оргазм.*

Внезапные темнота и вспышки света. Гром и молния.

РЕДАКТОР (неожиданно «падает» с колосников, голос гремит с высоты): А-а-а!
Довольно!

Достаточно!

Хватит слюней! Мы уже всыпали Чехову, Гоголю и Толстому!
Улучшили любовь, похоть, детство, медвежонка и даже паузу.

Ещё минута – и ты запустишь в него поздним Прустом, а ты в ответ накроешься ранним Фетом! И всё это кончится браком. Либо сноской.

Я больше не намерен смотреть, как вы с таким усердием обиваете друг друга мягкой мебелью мировой литературы.

Довольно!

(*В оркестровую яму*)

Оркестр, если ты ещё жив, немедленно притворись мёртвым.

(За кулисы)

Свет убрать!

Кулисы развести!

(Делает вид, что стреляет в актёров из ружья)

Пиф! Паф!

ОН и ОНА падают «как убитые».

Умри! Лучше не скажешь!

(К зрителям)

Пальто – Достоевскому.

Кашель – Чехову.

Медвежонка – обратно Богу. *(Пинает его ногой)*

Всё сократить!

И прекратить!

Пауза.

(Зрительнице в очках)

А с тобой, пока нас не оформили в кавычки, – бежим отсюда, Золушка ты моя.

(Кричит за сцену)

Занавес!

На пустой сцене вдруг оживает Медвежонок, его завод, оказывается, ещё не кончился, он жужжит и барахтается ещё несколько секунд, а потом уже окончательно замирает.

ЗАНАВЕС